

НАШ
XX
В Е К

КАК
ЭТО?
БЫЛО?

ОТТЕПЕЛЬ

Как это было?

Армен Гаспарян
Дмитрий Куликов
Гия Саралидзе

Наш XX век. Как это было?

Армен Гаспарян

Оттепель. Как это было?

«Питер»

2018

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)73

Гаспарян А. С.

Оттепель. Как это было? / А. С. Гаспарян — «Питер»,
2018 — (Наш XX век. Как это было?)

ISBN 978-5-4461-1050-6

Оттепель – начало новой эпохи, которая ставила своей задачей изменение общественно-политической жизни, внутренней и внешней политики государства. Осознание последствий сталинского режима, появление свободы слова, открытость Западному миру соседствовали с массовыми беспорядками, протестными выступлениями и Карибским кризисом. • Оттепель – новый период борьбы за власть или культурное явление? • Что привело к началу Карибского кризиса? • Можно ли было остановить распад соцлагеря? В новой книге серии «Наш XX век. Как это было?» историк Армен Гаспарян, политолог Дмитрий Куликов и радиоведущий «Вести FM» Гия Саралидзе разбираются в достижениях и упущенных возможностях Советского Союза того периода.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)73

ISBN 978-5-4461-1050-6

© Гаспарян А. С., 2018
© Питер, 2018

Содержание

Предисловие	6
Оттепель: новый период борьбы за власть и романтический флер?	7
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Армен Гаспарян, Дмитрий Куликов, Гия Саралидзе Оттепель. Как это было?

© ООО Издательство «Питер», 2019

© Серия «Наш XX век. Как это было?», 2019

© Армен Гаспарян, Дмитрий Куликов, Гия Саралидзе, 2018

* * *

Предисловие

Наши беседы «на троих» у микрофона радио «Вести FM» оказались интересны не только мне и моим коллегам Армену Гаспаряну и Гии Саралидзе, но и многим радиослушателям, а теперь еще и читателям.

В новой книге серии «Наш XX век» представлены отредактированные обсуждения, объединенные общим названием оттепель. Так принято именовать период второй половины 1950-х и начала 1960-х годов прошлого века. Не уверен, что само название – оттепель – ухватывает суть происходивших событий. Период правления Хрущева ознаменовался и новыми гонениями на церковь, и изъятием приусадебных участков, и первым после Кровавого воскресенья расстрелом демонстрации в Новочеркасске. Правда, в это же время наша интеллигенция получила возможность проклинать Сталина, потому что этого хотел Хрущев, и, наверное, поэтому она так и назвала этот период.

В этой книге мы подробно говорим о наших достижениях и упущенных возможностях в тот период и стараемся понять что-то самое важное, чему, собственно, и должна учить нас история.

Дмитрий Куликов

Оттепель: новый период борьбы за власть и романтический флер?

Г. Саралидзе: Оттепель – это неофициальное обозначение периода в истории нашей страны с середины 1950-х до середины 1960-х годов. Периода, о котором много говорится и в художественной литературе, и в кинематографе. Вообще с оттепелью связан очень большой культурный пласт. Давайте поговорим о том, что это был за период. Как вы к нему относитесь? Но сначала уточним его границы. Если верить некоторым историкам, оттепель приходится на недолгий, в общем, отрезок времени. Это 1953–1955 годы.

Д. Куликов: Еще принято называть его «хрущевская оттепель».

Г. Саралидзе: Да. Об этом мы тоже сегодня поговорим. Итак, Дима, твоя точка зрения.

Д. Куликов: Ну, наверное, да. Смерть Сталина в 1953 году сработала как своего рода клапан: вдруг все стали обсуждать, а что же будет дальше? Дело в том, что, пока был жив Сталин, вроде все было понятно и вопросы не принято было задавать. А тут появилась возможность. Наверное, оттепель связана не столько с политическими вещами... Хотя можно ее рассматривать и в политическом смысле, поскольку опять началась борьба за власть. Устранение Маленкова, например. Потом Жуков помог Хрущеву устранить Берию. Потом устраняют самого Жукова. Ну и, наверное, к 1955 году устанавливается уже тот самый волюнтаризм Хрущева и оттепель заканчивается. Для меня оттепель – это короткий период борьбы за власть. Но чаще о ней говорят как о явлении в культуре. Появляются толстые журналы... выходит повесть Ильи Эренбурга с одноименным названием.

Г. Саралидзе: Ну, собственно, сам термин, как считается, был взят именно оттуда.

Д. Куликов: Да. Это все уживается в творческом пространстве оттепели... А «бульдозерные выставки» – крушение, так сказать, современных художников как-то с оттепелью не вяжутся.

Г. Саралидзе: Ну, «бульдозерная выставка»-то попозже была. Ты имеешь в виду выставку в Манеже?

А. Гаспарян: «Бульдозерная выставка» в Беляево была, там крушили картины художников-экспрессионистов.

Д. Куликов: Когда Никита Сергеевич высказался, довольно резко обозвав художников?

Г. Саралидзе: Ну да, это на выставке в Манеже.

Д. Куликов: У меня такое подозрение, что конструкция оттепели на самом деле дооформилась гораздо позже, в 1980-е годы. Потому что тогда стали трактовать оттепель как проводника перестройки. В этой связке оттепель и оформилась как некоторый культурный концепт, а не как самостоятельное явление.

Надо сказать, что оттепель – очень противоречивый период. Ну ничего себе оттепель, в результате которой первого секретаря снимают за волюнтаризм. Там и другие аспекты были. Пока был Сталин, все было тихо и спокойно. А когда он умер, все забурлило. И сразу очень многие начали говорить, как все неправильно устроено. Интересно Зиновьев Александр Александрович высказался по этому поводу: «Мертвого льва может лягнуть даже осел». Нужно разбираться еще, представляла ли оттепель какой-то культурно-исторический феномен. У меня есть большое подозрение, что нет.

Г. Саралидзе: Армен?

А. Гаспарян: У меня невероятное число вопросов по поводу оттепели. Ну, во-первых, я не понимаю само определение оттепели, почему ее ограничивают рамками 1953–1955 годов. Получается, что за точку отсчета берется амнистия, которая была проведена непосредственно Берией. Никакого Хрущева при этом не было, документы подписывались в ЦК без

него. Понятно, что историю пишут победители. Берия оттуда вычеркнут. И все лавры по освобождению жертв политических репрессий, начиная от бандеровского и эсэсовского контингента и заканчивая теми, кто действительно попал ни за что, приписаны Хрущеву. Это первое. Второе. На мой взгляд, все начинается с 1956-го, когда официально стали говорить о том, что у нас была чудовищная сталинская эпоха и надо теперь бороться с культом личности и его последствиями. Если посмотреть воспоминания деятелей культуры, они все говорят о том, что именно после XX съезда почувствовали себя другими людьми и в другой стране. Третий момент. Замечательно, конечно, что обычно оттепель ассоциируется с творчеством Ильи Эренбурга. Но напомним, что Эренбург был одним из самых ярких писателей сталинской эпохи. Со всеми вытекающими последствиями. И творчество его меньше всего соответствовало каким-то зачаткам оттепели. Ну и, наконец, четвертое. Когда у нас говорят об оттепели, то выносят за скобки главное – внешнеполитический урон, который был нанесен Советскому Союзу докладом Хрущева о культе личности.

Г. Саралидзе: О внешнеполитических последствиях оттепели мы еще поговорим. Все-таки по поводу воздействия процессов, которые начались в 1953 году, на культуру: прежде всего литературу, а позже – кинематограф. Сложился такой романтический образ оттепели. Это мы можем видеть и сейчас на примерах литературных произведений, художественных фильмов и документальных программ того времени. Все эти ставшие уже классикой кадры, когда начинается ледоход, бегут ручьи, солнце проступило. Это же такие, можно сказать, мемы.

Д. Куликов: То, что ты сейчас сказал, – справедливо. Но мы начали с датировки: 1953–1955. Вообще-то из уголовного кодекса статью «враг народа» убрали в 1958-м, когда оттепель уже вроде три года как закончилась. А то, что, Гия, ты говоришь про литературу и кинематограф – так это самый конец 1950-х и начало 1960-х. Включая фильмы «Я шагаю по Москве»...

Г. Саралидзе: ...«Чистое небо» Григория Чухрая, где прямая отсылка к событиям, которые происходят в начале 1950-х.

Д. Куликов: Но это 1961 год. И никак не вписывается в рамки 1953–1955.

Г. Саралидзе: Художники осмысляют то, что произошло десять лет назад.

Д. Куликов: Ну наверное. Может быть, символом всего этого была публикация солженицынского «Одного дня Ивана Денисовича». У меня сложное отношение к Александру Исаевичу, но я считаю, что это произведение действительно выдающееся. И оно свою роль сыграло. О толстых журналах мы уже сказали. Поэтические вечера, назовем их так. Выступления поэтов, которые действительно сдвигают рамки дозволенного. Если сравнить с тем, как было при Сталине, действительно, появилось пространство, больше свободы. Являлось ли это каким-то особенным историческим феноменом, который надо отдельно изучать, я не уверен.

Г. Саралидзе: Мне кажется, то, что происходило в стране, дало возможность людям осмысливать и высказываться.

Д. Куликов: Пospoрю с тобой. С моей точки зрения, в политическом смысле как раз ничего не произошло. Единовластное правление Хрущева и единовластное правление Сталина – это примерно одно и то же. Да, при Хрущеве не повторили массовых репрессий, которые имели место при Сталине. Но это не политический, а скорее такой властно-управленческий аспект. Проблема заключается в том, повторю, что политически ничего не поменялось. Критикуя культ личности, Хрущев сделал все, чтобы установить свою единоличную власть. Это было прикрытием, для того чтобы на самом деле ничего не менять. Еще мостик переброшу в следующий период, брежневский. Казалось бы, культ личности и волюнтаризм уже покрывали. Брежнев был знаменит тем, что, действительно, консенсусно как-то руководил. Политбюро собиралось. Они обсуждали что-то, спорили даже. Диктатуры Брежнева не было. Но в публичном пространстве, если где искать культ личности, то во времена Брежнева. Четырежды герой, 28 орденов, орден Победы... «Дорогой наш и любимый...» – всё из того времени.

Или горбачевская перестройка. Ельцин покритиковал Горбачева на пленуме ЦК за недостаточную активность в перестройке, и Горбачев Ельцина выгнал из политического пространства. А Ельцин сказал, что в политбюро устанавливается культ личности Горбачева. Здесь я поставлю точку: этого достаточно, чтобы подумать над тем, что действительно менялось, а что нет. И где подлинные причины наших политических проблем того времени.

А. Гаспарян: Гия, я бы с тобой поспорил вот почему. Ты нарисовал замечательную совершенно картину: весна, тает снег, лед поплыл...

Г. Саралидзе: Это не я. Это наши художники.

А. Гаспарян: Но почему-то все забывают, что это неизменные атрибуты советского кинематографа образца 1930-х годов. Другой вопрос, что снятые тогда картины все проклинали как а) воспевающие культ личности, б) воспевающие устои тоталитарного государства. У нас же их не показывают уже сколько лет! Замечательные фильмы про поиски шпиона, где обязательно солнышко ярко должно светить, когда ловят этого шпиона, дождик весенний и так далее. С этой точки зрения кинематограф 1950-х годов старательнейшим образом воспроизвел все клише предыдущего периода. Единственное отличие состоит в том, что кино стало романтическим. Кинематограф конца 1930-х годов был в чистом виде продуктом пропаганды, он готовил страну к одному – к грядущей войне. А кинематограф 1950-х создавался поколением победителей нацизма, которое теперь построит замечательную жизнь, потому что не с кем больше бороться. Запад где-то далеко, и все только в наших руках. Шестидесятники, написав кучу воспоминаний, выдали это все за свое изобретение. Это очень наивное заблуждение, потому что в советских журналах и газетах конца 1930-х годов романтическая литература тоже присутствовала.

Г. Саралидзе: Позволю себе не согласиться. Просто люди, которые стали снимать фильмы, это «продукт» начала 1950-х. Они в это время учились, заканчивали литературные или кинематографические институты. Например, «Чистое небо» Чухрая, о котором я уже говорил, а были еще Марлен Хуциев, Михаил Ромм, Георгий Данелия.

«Застава Ильича», «Весна на Заречной улице» – это фильмы, которые передают то ощущение весны и оттепели... Там все-таки говорится более сложно о том, что происходит. Все-таки в них нет таких уж клишированных героев и антигероев.

А. Гаспарян: Оттуда политика убрана.

Г. Саралидзе: Во-первых, убрали политику, во-вторых, начинают говорить о простом человеке и о том, что его волнует. Оттепель стала площадкой для большого количества писателей и вообще творческих людей, на мой взгляд. Мы Солженицына упомянули, но был и Владимир Дудинцев с «Не хлебом единым». Тоже знаковая вещь. В это время начинает писать и Виктор Астафьев – совершенно другое направление в литературе. Тогда появляется плеяда людей, которая о деревне пишет, о том, что с ней происходит, об обычных людях. Но, наверное, к политическим изменениям в стране, о которых ты, Дима, говорил, это касательства мало имеет. Просто люди получили свободу творчества. Появилась возможность рассказывать о том, что видишь, и о том, что хочешь осмыслить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.